

1. Отчисление

- Не волнуйся, у меня всё хорошо. Успокойся, мама, ты же знаешь, погода в Лос-Анджелесе и Сан-Франциско примерно одинаковая. Как я могу замёрзнуть?

Стоя в телефонной будке и держа возле уха трубку, Ван Ян глядел на кампус снаружи и с притворным воодушевлением рассказывал:

- Несколько дней назад видел Роберта Земекиса. Кстати! Это он снял «Форреста Гампа», он тоже обучался в Южно-Калифорнийском университете. Наш ректор пригласил его провести лекцию. Было так здорово, я в тот день долго с ним беседовал. Ох, он такой лёгкий в общении. Действительно интересный человек...

Сейчас был апрель, погода в Лос-Анджелесе стояла тёплая, постепенно отступали холодные зимние дожди, приближался жаркий летний сезон. На густой зелёной лужайке Школы кинематографических искусств Южно-Калифорнийского университета разрозненно лежали студенты. Кто-то читал книгу, кто-то болтал, кто-то возился с видеокамерой. Жизнь была ключом.

- Гм, мне ещё скоро надо будет пойти помочь одной съёмочной группе...О, ну вот, одноклассники уже зовут меня. Я пошёл, пока!

Едва повесив трубку, Ван Ян сделал длинный выдох. Восторг на лице моментально сменился унынием. Наблюдая, как студенты отдыхают на лугу, он с досадой схватился за волосы на голове и обиженно выругался:

- Дерьмо!

Застегнув ветровку и подняв с земли картонную коробку, загруженную всяким барахлом, Ван Ян неторопливо направился к выходу из кампуса. По пути он с грустью разглядывал красивые пейзажи. Когда-то Ван Ян мечтал, что Школа кинематографических искусств станет отправной точкой его жизненного пути, но теперь всё потеряно.

Ван Ян был американцем китайского происхождения. Его дед в своё время переехал в США и открыл в китайском квартале Сан-Франциско ресторан китайской кухни. Затем заведение досталось отцу Ван Яна. Оно работало и по сей день.

Но, несмотря на старания двух поколений, этот семейный бизнес не только не раскрутился, но и, наоборот, пришёл в упадок. Обычно удавалось выживать за счёт соседей и хороших знакомых. Вот уже много лет ресторан находился на грани разорения.

Хотя Ван Ян с самого детства проводил немало времени в ресторане, он совершенно не испытывал интереса к готовке, зато питал невероятно горячую любовь к кино. В 9 лет, после просмотра фильма «Новый кинотеатр “Парадизо”», он ещё больше укрепился в решении стать режиссёром! Ладно, в то время он считал, что киномеханик, коим являлся старик Альфредо, это и есть режиссёр.

Так или иначе, с того момента Ван Ян всегда стремился к этой цели. И кое-что у него получилось. В 18 лет он поступил в Школу кинематографических искусств Южно-Калифорнийского университета на факультет кино и телевидения. И всё бы шло хорошо, если бы не один инцидент.

Этот инцидент случился неделю назад, после чего Ван Яна отчислили. Отчислили на втором

семестре первого курса.

Вспоминая все детали произошедшего, он беспомощно вздохнул, от нахлынувших суетливых мыслей разболелась голова. Только подумать: он мог бы сперва окончить бакалавриат в Южно-Калифорнийском университете, затем продолжить учиться на специалиста, также мог устроиться помощником режиссёра, накопить опыт и получить шанс стать настоящим режиссёром. Но с тех пор как его исключили из учебного заведения, режиссёрская мечта всё больше и больше отдалялась от него.

- Эй, это разве не наш китаёза? Куда спешишь?

К Ван Яну подошли несколько молодых людей, четыре парня и две девушки. Не считая одного чернокожего студента, остальные были белые.

Белый блондин, стоявший во главе компании, с ухмылкой начал танцевать, пародируя обезьяну и издавая странные звуки:

- Ping-pang, ping-pang? Ching-chong, ching-chong? (*"Ching-chong" - дразнилка на английском, которая используется, чтобы оскорбить китайца*)

Пока он кривлялся, остальные парни и девушки хохотали, с насмешкой и презрением уставившись на Ван Яна.

Несмотря на своё американское гражданство, Ван Ян уже с детства неоднократно слышал эти слова. Ему нравились жёлтый цвет его кожи и его чёрные глаза, нравилась китайская письменность, нравилась китайская кухня и нравилась китайская культура. И сам он никогда никого не обижал и ненавидел расовую дискриминацию, но причиной его отчисления послужила именно расовая дискриминация.

Это было сфабрикованное дело. В тот день Ван Ян оказался в подобной ситуации, как сейчас. Один чернокожий студент поносил и провоцировал его, даже оскорбил его мать. В итоге, потеряв всякое терпение и не в силах контролировать свои эмоции, Ван Ян вспылил и устроил драку.

Этого чернокожего студента звали Терренс Бенн. Он был ещё тем здоровяком, но Ван Ян с ранних лет обучался бацзицюань у одного пожилого мастера в китайском квартале. Хотя он и не был мастером боевых искусств, ему не составило никакого труда расправиться с Терренсом, который полагался лишь на грубую силу. Во время драки Ван Ян выругался:

- Ты этого хотел? Вали на хер!

К несчастью, фразу "вали на хер" услышал один преподаватель, что явился на шум. Этот преподаватель по имени Гари Мартин тоже был чернокожим.

В конечном счёте Терренс первым пожаловался и выставил себя жертвой. Он извратил все факты, заявив, что это Ван Ян оскорблял его, а затем ещё и устроил драку.

Хотя Ван Ян тщательно старался объяснить, что произошло, никаких свидетелей в тот момент на лугу не было, никто не мог заступиться за него. Зато на стороне Терренса стоял чернокожий преподаватель Гари Мартин. Поэтому руководство университета поверило Терренсу, а Ван Яна отчислило.

- Чего хочешь, Брюс Ли? Бананчик? О, иди покушай! - блондин по имени Мэттью, ухмыляясь,

несколько раз покачал бёдрами вперёд-назад и промолвил: - Подходи, я знаю, что тебе понравится!

Остальные пятеро студентов дружно рассмеялись. Они знали, что Ван Яна отчислили, поэтому с удовольствием издевались над ним.

И вовсе не потому, что он первым задирали их, просто его азиатская внешность служила поводом хорошенько повеселиться, когда им становилось скучно.

Если назовёшь чернокожего “ниггером” и на тебя подадут в суд, то непременно понесёшь наказание за расовую дискриминацию. Но если обзовёшь китайца “китаёзой” или “узкоглазым”, вряд ли это посчитают расизмом.

Вот она обратная сторона государства с высокоразвитой демократией, где выступают за равноправие.

- Ладно, ты достал меня, - Ван Ян медленно отложил картонную коробку, подошёл к хохочущему Мэттью и схватил его за воротник. - Даю тебе два варианта: либо ты извиняешься, либо я отправляю тебя в больницу.

- Ой, китайский негодник, хочешь поколотить меня? - притворяясь спокойным, произнёс Мэттью, на веснушчатом лице которого проскользнула паника. - Если желаешь попасть в тюрьму, то давай, приступай.

Ван Ян рассмеялся, без какой-либо обиды и гнева сказав:

- Хочешь стать святым отцом? Могу запросто разбить тебе яйца.

Вспомнив опухшее лицо Терренса Бенна, которого избил Ван Ян, Мэттью невольно проглотил слюни. Стоявшие поблизости товарищи тоже напряглись и закричали: «Эй, полегче, полегче», но стоило Ван Яну окинуть их взглядом, как они прикусили языки. Кто знает, вдруг он и на них набросится?

- Хорошо, можешь уже молиться богу, - Ван Ян изменился в лице и, ещё не договорив, сжал кулаки и замахнулся правой ногой, как бы собираясь совершить пинок.

- Подожди, подожди! - поспешно выкрикнул Мэттью, вздрогнув от страха, и, барахтаясь изо всех сил, заорал: - Я извиняюсь, извиняюсь! Моя вина!

У-у! Пятеро товарищей и даже новые зеваки, что пришли посмотреть на шумиху, ударили себя по лбу и чуть ли не в один голос вымолвили: «Да ладно!», выражая недовольство тем, что Мэттью извинился.

- Ты мудака? - по-прежнему спокойно произнёс Ван Ян, но при виде его убийственного взгляда у Мэттью совершенно не возникало желания сопротивляться.

Последний без раздумий кивнул, ответив:

- Да, я, я...

- Кто ты? - спросил Ван Ян.

Мэттью горько вымолвил:

- Мудак...

Все вокруг зашипели, товарищи Мэттью косо на него посмотрели, несколько белокурых красавиц зашушукались и захихикали. От этого Мэттью стало слегка неловко, лицо залилось краской.

Ван Ян усмехнулся и легонько похлопал Мэттью по лицу, сказав:

- Хочешь убить меня, неженка? Ну давай!

Договорив, он с силой толкнул Мэттью, отчего тот шатающейся походкой попятился назад.

Под звуки шиканья Ван Ян снова поднял с земли картонную коробку и направился прочь из кампуса.

Дойдя до главных ворот университета, он невольно остановился, обернулся назад и взглянул на кампус, о котором так много лет мечтал и который предстояло покинуть. Прощайте, старые высокие деревья, прощай, мягкая изумрудная лужайка...Сделав глубокий вдох, Ван Ян переступил через ворота.

Куда идти? Ван Ян бесцельно бродил по улице с коробкой в руках. По дорогам пронеслись машины, на тротуаре тек бурный поток пешеходов, то и дело раздавались светофорные сигналы. Ван Ян растерянно стоял перед перекрёстком, не понимая, куда пойти.

Он до сих пор усердно скрывал от родителей новость об отчислении, в противном случае его непременно заставили бы вернуться в Сан-Франциско, а затем заставили бы взять в свои руки семейный бизнес и стать шеф-поваром в ресторане.

«Целыми днями стоять у плиты? Не хочу и не буду! – закричал про себя Ван Ян, покачав головой. – Я так много лет старался, так много лет мечтал о том, что стану выдающимся режиссёром и сниму отличные фильмы. А теперь из-за несправедливого обвинения мне придётся вернуться, чтобы управлять почти обанкротившимся рестораном?!»

Он вспомнил, какой дикий восторг испытал, когда узнал, что его зачислили в Южно-Калифорнийский университет, вспомнил поздравления друзей и их восхищённые взгляды, вспомнил любящих родителей, которые поддержали его, боясь оказать на него давление, а также вспомнил фразу: «Сынок, если не получится устроиться в Лос-Анджелесе, возвращайся обратно в Сан-Франциско. Ресторанная поварёшка будет дожидаться тебя...»

Боже! Представив, как он вернётся, а родители ему скажут: «Сынок, мы так и знали, что кино – это не твоё. Всё-таки оставайся в ресторане», Ван Ян неосознанно вскрикнул. Уж лучше пусть меня собьёт насмерть машина!

Да чтоб вас! Ван Ян посмеялся над собой: «Мне хоть и нравится китайская кухня, но не нравится быть поваром! Я не должен возвращаться таким неудачником, иначе друзья засмеют меня, а разочарованные родители станут утешать меня! Я не сдамся!»

Когда прибодривший себя Ван Ян уже пересёк половину проезжей дороги, детская коляска, что катилась позади него, внезапно выскользнула из рук женщины и с грохотом врезалась прямо в зад Ван Яна. Последний, застигнутый врасплох, от удара споткнулся и полетел лицом вниз. Коробка вылетела из рук, всё содержимое рассыпалось по дороге.

«О, боже!» – изумлённо воскликнули прохожие, прикрыв рты руками. Было лишь видно, как не

пристёгнутый ремнём безопасности ребёнок вылетел из коляски!

Сперва раздался один шлепок: упал Ван Ян. Затем раздался второй шлепок: ребёнок приземлился прямо Ван Яну на голову, но остался невредим.

Ван Ян лишь почувствовал головокружение, перед глазами возникли миражи. Он даже не знал, что его сбило. В голове осталась только одна мысль: «Неужели я умру?»

Советую к просмотру фильм «Новый кинотеатр “Парадизо”» (1988)

<http://tl.rulate.ru/book/41606/919419>